

УДК 398.22(=512.157)

DOI 10.25587/SVFU.2019.14.32183

Ю. П. Борисов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ОЛОНХО «ДЕВУШКА-БОГАТЫРЬ ДЖЫРЫБЫНА ДЖЫРЫЛЫАТТА» П. П. ЯДРИХИНСКОГО – БЭДЖЭЭЛЭ

Аннотация. Статья посвящена анализу стилистических особенностей текста олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского из центральной (намской) локальной традиции на основе выявления и описания основных художественно-изобразительных средств. Актуальность исследования заключается в том, что она посвящена раскрытию механизмов запоминания и воспроизведения эпического текста, изучение которых находится только на начальном этапе.

В ходе анализа выявлены и описаны 14 основных стилистических средств, характерных для намской локальной эпической традиции, где основным принципом организации эпического текста является принцип ритмико-синтаксического параллелизма, которому подчиняется большинство рассмотренных речевых единиц. Т. е. в языке эпоса на первый план выходит синкретичность, где разнородные художественно-изобразительные средства сливаются в неразделимое единое целое, что усложняет классификацию разновидностей стилистических средств. Также в языке рассматриваемого олонхо коннотация лексических единиц, выступающих организующими элементами в устойчивых конструкциях отличается от их употребления в литературном языке, и потому они приобретают надкоммуникативные функции.

По итогам исследования установлено, что с одной стороны, рассмотренные стилистические средства эпического языка являются обязательными элементами и образуют сложную, высокоорганизованную, слаженную систему приемов, которые являются маркерами, способствующими олонхосуту удерживать в памяти большой объем эпического текста, с другой стороны, именно на основе этих художественно-изобразительных средств осуществлялся культурный обмен – обмен так называемой эстетической информацией между сказителем и его аудиторией слушателей. Конечно же, при создании и воспроизведении текста олонхо сказитель использует эти средства неосознанно, лишь потому, что так пели его предшественники, и этого от него требуют его слушатели.

Изложенное свидетельствует о том, что П. П. Ядрихинский был выдающимся сказителем своего времени, мастером художественного слова в совершенстве овладевшим искусством якутского сказительства. Будучи сказителем-импровизатором он в своем эпическом творчестве успешно варьирует интертекстуальные устойчивые конструкции и создает новые, идиостилистические конструкции, чем обогащает стилистику своего эпического произведения.

Ключевые слова: эпический язык, аллитерация, анадиплосис, антитеза, гипербола, детализация, лексическая база, композиционные повторы, метафора, олицетворение, повтор, ритмико-синтаксический параллелизм, сравнение, эпическая формула, эпитет.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Yu. P. Borisov

The stylistic particularities of P. P. Yadrinkhinsky (Bedjeele)'s olonkho “The Girl-Warrior Dzhyrybyna Dzhyrylyatta”

Abstract. This article analyzes the stylistic particularities of P.P. Yadrinkhskii (Bedjeele)'s Olonkho “The Girl-Warrior Dzhyrybyna Dzhyrylyatta” as part of the central (Namtsi) local tradition by identifying and describing the olonkho's foundational artistic devices. The relevancy of this research lies in its analysis of the memory and reproduction mechanisms of epic texts, the investigation of which is still in its early stages.

БОРИСОВ Юрий Петрович – к. филол. н., зав. сектором «Эпическое наследие и современность» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: olonhoman@mail.ru

BORISOV Yuri Petrovich – Candidate of Philological Sciences, Head of Sector “Epic heritage and modernity”, Scientific Research Institute of Olonkho, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: olonhoman@mail.ru

This analysis identified and described 14 foundational stylistic devices characters to the local Namtsi epic tradition, where the primary organizational principle of epics texts is rhythmic-syntactic parallelism that governs the majority of analyzed speech units. Thus, the language of the epic is primarily characterized by the syncretism through which dissimilar artistic devices combine into an indivisible unified whole, thus complicating the classification of varieties of stylistic devices. Similarly, in the language of this olonkho, the connotation of lexical units, acting as organizing elements in stable structures differs from their use in literary language and therefore they take on a non-communicative function.

This study reveals that, on the one hand, the analyzed stylistic devices of epic language are necessarily elements and comprise a complex, highly organized, coordinated system which act as markers allowing the olonkhosut to hold large epic texts in his memory. On the other hand, it is precisely on the basis of these stylistic devices that a cultural exchange materializes, an exchange of so-called aesthetic information between epic storytellers and their audience of listeners. Of course, during the creation and reproduction of an olonkho text, the storyteller uses these devise unconsciously, using them simply because his predecessor did and because they are demanded by his audience.

The statements above testify that P. P. Yadrikhinsky was one of the outstanding performers of his time, a master of creative speech, and perfected the art of Sakha storytelling. As storyteller/improviser, he successfully varied in his use of stable intertextual constructions and created new, idio-stylistic constructions which enrich the stylistics of his epic compositions.

Keywords: epic language, alliteration, anadiplosis, antithesis, hyperbole, detailing, lexical base, compositional repetition, metaphor, impersonation, repetition, rhythmic-syntactic parallelism, comparative, epic formulas, epithet.

Acknowledgements: This research has been conducted as part of the scientific-research project NEFU “Heroic Epodes of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: Problems and Perspectives of Comparative Study”.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что художественно-изобразительные средства языка олонхо, образующие его стилистические особенности, все еще не подвергались комплексному анализу. При этом выявление стилистической специфики текста олонхо имеет как теоретическое, так и практическое значение, что существенно для целого ряда дисциплин, в первую очередь для стилистики текста и эпосоведения, сопоставительного языкознания, теории и практики перевода, лингвистики текста. Установление стилистических средств, содержащихся в тексте олонхо, и их классификация необходимы для выявления системных закономерностей связей и соотношений различных стилистических средств. Необходимость и значимость подобных исследований заключается в том, что именно на их основе возможно установление принадлежности текста к жанру олонхо, особенно для современных (авторских) эпических текстов.

Целью статьи является выявление и описание основных стилистических особенностей текста олонхо П. П. Ядрихинского – Бэджээлэ «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта», который считается одним из лучших образцов якутского эпоса [1, с. 194].

В процессе исследования использовались методы сплошной выборки, общетекстовый анализ, метод микротем (микрообразов), метод вариативной работы (при выявлении вариантов устойчивых конструкций) элементы семантического и компонентного анализа (для обозначения состава стилистических средств).

Материалом исследования послужил текст олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» олонхосута Прокопия Прокопьевича Ядрихинского – Бэджээлэ, записанный фольклористом П. Н. Дмитриевым в 1970 г. Рассматриваемый текст олонхо ранее был опубликован дважды: в 1981 г. на якутском языке и в 2011 г. с переводом на русский язык. А в 2019 г. подготовлено к печати переиздание сотрудниками Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Новое третье издание оснащено научным аппаратом, содержащим статью об эпическом творчестве П. П. Ядрихинского, примечаниями к тексту оригинала, комментариями к русскому переводу, словарем непереведенных якутских слов, указателем мифических и эпических персонажей и сюжетом олонхо.

Стилистические особенности эпоса

Прежде следует обозначить отличительные черты эпоса в целом и якутского героического эпоса олонхо в частности. Главной отличительной особенностью эпоса является его устность,

о чем К. В. Чистов писал: «В устной речи вообще и в фольклорной в особенности вырабатывается целая система приемов, которая в литературном языке, по мере его развития, наоборот теряется. Эти системы приемов помогают оперативной памяти удерживать в сознании воспринимающего уже произнесенные отрезки текста и актуализировать те его элементы, которые по мере развертывания текста вовлекаются в разнообразные внутритекстовые связи» [2, с. 156].

При этом, эстетика традиционного фольклора рассчитана на слушателя, воспитанного в лучших традициях народно-поэтической художественной культуры и которому исполняемое фольклорное произведение уже известно, и он следит за правильностью его воспроизведения как в обязательных структурных элементах, так и за импровизацией исполнителя в необязательных элементах. И потому восприятие произведений фольклора зависит также и от характера поэтической культуры «получателя» [3, с. 201]. Сказитель всегда был под двойным контролем традиции, которую он усвоил сам и его слушатели. Если сказитель уклонялся от предписанной традиции и это уклонение не было санкционировано коллективным сознанием его слушателей, то текст из фольклорного (т. е. традиционного) превращался в одноразовый, а он сам – в индивидуального исполнителя индивидуального текста [2, с. 144].

Обязательным и универсальным качеством живого эпоса, обнаруживаемым на всех его уровнях, является его вариативность, чему способствуют устный характер коммуникации и «личное начало» сказителя [4, с. 223]. Вариативность – это проявление динамики фольклора как художественного явления, и в них логика, идея, замысел едины, воспроизводимые типы одни и те же [5, с. 54]. Амбивалентность поэтического текста и наличие в нём значимых компонентов, которые не сводятся к элементам обычной коммуникации позволяют предполагать особые сигналы «эстетической информации» служат предпосылкой для выделения надкоммуникативных функций языка, а также особых уровней и единиц, реализующих эти функции [6, с. 73].

Становится ясно, что фольклорный текст, в частности текст эпический обладает определенными только ему присущими правилами запоминания и законами варьирования, что эпос сам по себе представляет сложную систему, где активно участвуют как исполнитель, так и его слушатели.

Следует также отдельно отметить особенности эпического языка. Язык фольклора в целом – это определенная система, имманентно развившая в себе такие выразительные средства, которые за пределами этой системы или не встречаются вовсе, или же находятся совсем в иных количественных соотношениях с другими фактами языка [3, с. 207]. О другой отличительной черте языка фольклора К. В. Чистов пишет: «Чем поэтически насыщеннее и эстетически отработаннее язык фольклорного произведения, чем четче его членение на элементарные единицы-синтагмы и тем выраженнее внешне показатели связи между этими примыкающими друг к другу и, на первый взгляд, автономными единицами» [2, с. 159].

В частности эпический язык – это упорядоченная система правил и ограничений, способов организации текстов и передачи эпической информации, описаний и характеристик, мотивировок, сохранения и раскрытия эпической семантики. Эпический язык национален и специфичен для каждой эпической системы, но в нём есть ряд универсалий, инвариантных элементов, общих для ряда эпических систем и тем самым придающих этим системам известную степень типологического единства [7, с. 176].

Системность эпоса, прежде всего, на наш взгляд, зависит от его иерархических уровней, т. е. от основных элементов, образующих структуру и стиль эпического текста. Таковыми, по мнению многих исследователей являются: во-первых, эпические формулы (А. Б. Лорд [8], В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов [9], Е. А. Иванчикова [10], П. А. Гринцер [11], П. Н. Дмитриев [12], И. А. Оссовецкий [3], Е. Б. Артеменко [13], В. В. Илларионов [14], Л. Л. Габышева [15], Н. Н. Ефремов [16]); во-вторых, типические места (Н. В. Кидайш-Покровская и А. И. Мирбадалева [17], Е. Н. Кузьмина [18] и Т. В. Илларионова [19]); в-третьих, эпические тирады (В. М. Жирмунский) [20].

Рассмотрев общие вопросы языка эпоса в трудах отечественных литературоведов, фольклористов и эпосоведов, обратимся к вопросам эпического стиля и языка собственно якутского олонхо.

Средний размер якутского олонхо – 10-15 тысяч стихотворных строк. Крупные олонхо по объёму доходят до 20 и более тысяч строк. Путём контаминации различных сюжетов якутские олонхосуты в прошлом создавали еще более крупные олонхо, но они остались незаписанными [21, с. 9].

Впервые стилистические особенности олонхо были рассмотрены в совместной статье И. В. Пухова и Г. У. Эргис «Якутское олонхо», где они писали: «Стиль олонхо своеобразен. Отдельные сказания не имеют строго фиксированного, только им присущего сюжета. Сюжеты олонхо могут довольно свободно варьироваться, переходить из одного произведения в другое. Но ни в одном из них не могут появиться вдруг сюжеты, не свойственные этому жанру. Сюжеты строго традиционны и очень устойчивы. “Свободное обращение” возможно только в пределах этой устойчивой традиции, сложившейся в глубокой древности. Раньше среди олонхосутов и в народе бывало множество отдельных сюжетов (больших и малых). Они носили характер “бродячих” и циркулировали внутри замкнутого жанра» [22, с. 54].

В статье «Художественные особенности олонхо» Г. У. Эргис о языке олонхо писал: «Язык олонхо пышный и величавый, насыщенный большим числом архаических слов и выражений, ныне вышедший из употребления в разговорной речи, трудно понимаемых даже самими сказителями» [23, с. 212].

Академик П. А. Слепцов, рассматривая особенности языка олонхо, на первый план выделяет его формульность, подчеркивает насыщенность архаизмами и отмечает высокую вариативность [24, с. 212]. И утверждает, что по единодушному мнению специалистов и самого народа, язык и стиль олонхо представляют собой высшую форму обработанной, отшлифованной, художественно организованной устной поэтической речи и пишет: «С лингвистической точки зрения в основе художественных средств, всей поэтики олонхо лежит экстенсивное использование лексических, лексико-фразеологических ресурсов и образная (изобразительная) семантика этнического языка. Первое обусловлено древнейшим “накопительным”, описательным способом изображения эпического мира и эпических событий. Этот “накопительный” стиль, количественное нагнетание различного рода определений, эпитетов, цепи сравнений, примыкающих однородных конструкций воспринимается эпической средой как качественное, содержательное художественно-эстетическое явление» [24, с. 207].

В работе «Якутский эпос олонхо как жанр» Д. Т. Бурцев устанавливает, что стиль олонхо, как и жанр, является способом саморегулирования фольклорного художественного процесса: «Знание о сфере стиля в олонхо-произведении воспринимается сказителем из общественного стилевого сознания олонхо, и оно становится частью последнего» [25, с. 63]. Также автор указывает, что многогранную целостность художественной формы, сферы стиля олонхо как произведения обуславливают три компонента: общественное стилевое сознание олонхо, знание о сфере стиля олонхо в произведении сказителя и восприятие стилевой формы в исполняемом произведении аудиторией [25, с. 64].

Стилистические особенности текста олонхо П. П. Ядрихинского «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта»

1. **Аллитерация** в тексте олонхо используется очень часто. Её можно обнаружить как внутри одного стиха, так и в метрической схеме в нескольких строках. Как отмечает М. Н. Дьячковская, в понятие аллитерации входит, во-первых, повтор любых качественно сходных звуков, чему способствует закон сингармонизма, актуальный для многих тюркских языков, в особенности для якутского, и, во-вторых, повтор сходных звуков по определенному месту образования [26, с. 11]. Эпическая форма аллитерационного стиха олонхо выступает как наиболее урегулированный и в этом смысле как наиболее канонизированный в традиции [27 с. 38]. При этом в олонхо аллитерационно-ассонансная звуковая гармония расположена в подавляющем большинстве внутри эпических формул и типических мест, образованных с помощью ритмико-синтаксического параллелизма [28, с. 37]. Приведем пример из исследуемого текста:

Үөһээ өттүтэн
Үргүөр үргүйбэккэ,
Аллараа өттүтэн
Аргыар аргыйбакка,
Былаҕай былдьаабакка,
Дьыэлигэй дьыэлийбэккэ... [29, с. 32].

С верхней стороны
Сквозняки не продували,
С нижней стороны
Ветры суровые не пробирали,
Беда не надвигалась,
Горе не постигало... [29, с. 33].

Как видно из примера, в нём прослеживаются как внутристиховая аллитерация, так и вертикальная аллитерация, объединяющая несколько строк. Аллитерационно-ассонансная звуковая гармония расположена в подавляющем большинстве внутри эпических формул и типических мест, образованных с помощью ритмико-синтаксического параллелизма. В олонхо аллитерация выступает не только средством фонетической организации стихосложения, выполняя ритмообразующую и метрическую функцию, но также является одним из основных стилеобразующих факторов.

2. **Анадиплосис** является одним из видов ведущего стилевого принципа народной поэтики, присущего всем устным традициям – словесного повтора. Само название «подхват» хорошо отражает сущность этого стилевого явления в фольклоре – конец стиха (фразы) как бы подхватывается следующим стихом (фразой). Прежде всего эпос дает основание считать анадиплосис характерной стилевой приметой устного сочинительства, устной повествовательной манеры. Именно устного творчества, сказительства как метода сложения и исполнения эпического произведения, его восприятия и многократного воспроизведения продолжателями эпической традиции устным путем [30, с. 140]. В становлении этого стилевого приема в народном эпосе сыграла роль особенность механизма памяти при устной передаче значительного объема информации («текста»). Анадиплосис служил при этом своеобразной мнемонической «точкой опоры», закрепляющей нить повествования, позволяющей последовательно, «плавно» переходить от одного описания к другому, обеспечивая их преемственную соотнесенность, стройность изложения, а местами и его торжественную приподнятость [30, с. 141]. П. П. Ядрихинский в своем олонхо на стыке двух различных эпических картин широко пользуется анадиплосисом, например:

Томтор үрдүгэр дугунан,
Тохтоон **туран кэбистэ**.
Ол **турдабына**,
Сирэм күөх
Сир анныгар... [29, с. 404].

Земли слегка касаясь,
На холм взобралась.
В это время
Под землёй,
Зеленью покрытой, ... [29, с. 405].

В этом примере олонхосут использует анадиплосис, где конец стиха подхватывается следующим стихом, вследствие чего возникает сцепление двух отдельных тематических групп. Т. е., повторы основы ключевого словосочетания *туран кэбистэ* ‘встал’ и лексемы *турдабына* ‘когда так стоял’ образуют связку предыдущей (где описывалось приезд богатырского коня к возвышенности посреди земли) и последующей (где описывается подслушивание богатыркой Джырыбына Джырылыатта разговора старика Сээркэн Сэсэн и старухи Сэсэн Чэмэй) темы, создают плавный переход от одного описания к другому, что в свою очередь образует развитие нити повествования, развивающего сюжет. Приведем еще один пример:

Үллүйэ бырабаннар
Бүрүйэ тардыбыттар.
Ити кэнниттэн
Дьизэлэрин алын таһаатын
Анаан анаардахха... [29, с. 58].

Сверху завернув,
Наглухо заткнули.
После этого
Дома нижнюю часть
Начать разглядывать... [29, с. 59].

Здесь олонхосут на стыке двух тематических групп применяет союзное словосочетание: *ити кэнниттэн* ‘после этого’, посредством которого также соединяет повествование в единое целое. Тем самым, олонхосут плавно переходит от одного описания (строительство жилища – балаган) к другому (внутреннее убранство – изображение пола жилища). Следует отметить, что П. П. Ядрихинский в публикуемом тексте использует всю разновидность анадиплосиса, в частности словосочетания типа: *ол кэннэ*, *ол кэнниттэн*, *ол кэтэх өттүттэн*, *ити кэннэ*, *ити кэнниттэн* ‘после этого’, *ол курдук*, *ити курдук* ‘так, таким образом’, *өр-өтөр гыммакка*, *өр-өтөр буолбакка* ‘недолго’ и др. производные от них, которые находятся на стыке эпических периодов с различной тематикой и связывают повествование в единое целое.

3. **Антитеза**. Олонхосут в своем тексте активно использует антитезу, включенную в состав параллелизма:

Олорор дьонноро

Ойон туруохтарыгар дылы,

Турар дьонноро

Олоро түһүөхтэригэр дылы... [29, с. 86].

Что сидевшие все

С места враз повскакали,

Стоявшие все

Тут же разом присели... [29, с. 87].

В данном ритмико-синтаксическом параллелизме в первую очередь в членах противопоставляются ядерные лексемы. В первом члене: *олорор дьонноро / ойон туруохтарыгар дылы* 'сидящие люди / повскакали', во втором члене: *турар дьонноро / олоро түһүөхтэригэр дылы* 'стоящие люди / присели'. Тем самым антитеза используется как внутри каждого члена, так и между двумя членами, где исходя из содержательного плана аналитические члены контрастируя, противопоставляются друг к другу.

4. **Гипербола** в исследуемом тексте образуется посредством сравнения, включенного в состав ритмико-синтаксического параллелизма:

Тоѳус күн холбоспутун курдук

Толбонноох ньуурдаах,

Үс күн үөрдүспүтүн курдук

Үтүөкэннээх дьүһүннээх... [29, с. 152].

Словно девять светил сошлись,

С видом лучезарным,

Словно три солнца соединились,

С обликом сияющим... [29, с. 153].

Здесь, в эпической формуле, выраженном двучленным ритмико-синтаксическим параллелизмом, описывается красота девушки-богатырки Джырыбына Джырылыатта, которая сравнивается с красочностью солнца. Лицо её будто солнце, умноженное на девять, а вид её такой красоты, словно солнце, умноженное на три раза.

Особого внимания заслуживает гиперболическое описание езды богатырского коня, например:

Хаан халысхан хайаларын

Хайыта тэбэн хампарытта,

Таас дьигискэн ыллыктарын

Сиритэ тэбэн синнэрдэ,

Муус дьулуо суолларын

Тоѳута тэбэн суулларда,

Аат дьабын аартыктарын

Атабынан арбыйа оонньоото [29, с. 188].

Скользкие горы кровавые

Копытами разбивал,

Неровные тропы каменные

Ногами раскидывал,

Дороги ледовые

Брыкаясь раскрошил,

В нижние миры проходы

Копытами истоптал [29, с. 189].

Пример интересен тем, что в нём при описании хода богатырского *Дылыа манан ат* 'молочно-белого коня' использованы предложения, смысловые нагрузки которых одинаковые. Они в совокупности дают общий гиперболический образ эпического коня. Эпическая формула состоит из четырёхчленного параллелизма, который построен на сочетании четырёх одинаково построенных единиц. Они в свою очередь являются синонимами и объединяются между собой дословным повторением ядерной лексемы: *тэбэн* 'ударив ногой' и сказуемыми, передающимися в одинаковой форме. В четвертой единице параллелизма дословно повторяющаяся лексема отсутствует, что сигнализирует об окончании параллелизма.

Кроме упомянутых гипербол текст олонхо изобилует традиционными, имеющимися в каждом олонхо гиперболическими описаниями внешности самого богатыря, его коня и противников и мн. др.

5. **Детализация.** Теперь рассмотрим идиостилистический пример устойчивой конструкции с подробной детализацией:

Толоон-толоон аайыттан

Тоноѳос эриэн *чуоѳуйбут,*

Алаас-алаас аайыттан

Ала сүөһү *аалласпыт,*

Сыһы-сыһы аайыттан

Сыспай сизлэлэх *сырсыбыт,*

Со всех полей туда

Коровы-пеструшки идут,

Со всех аласов туда

Коровы-белобоки тянутся,

Со всех лугов туда

Длинногивые несутся,

Халдьяайы, халдьяа аайыттан
Хара сүөһү ханыыласпыт,
 Үрүйэ, үрэх аайыттан
Үрүг сүүрүк үөрдүспүт,
 Куула, хочо аайыттан
Кугас сүөһү хойдубут [29, с. 54].

С южных склонов туда
 Скотина рабочая тащится,
 Со всех ручьёв-ручейков
 Скакуны резвые туда скачут,
 Со всех склонов, долин
 Скот бурый там сходится [29, с. 55].

В этом примере детализация заключается в последовательной характеристике и перечне разновидностей домашнего скота с целью показать, насколько богато живут родители Джырыбына Джырылыатта – старик Арылы Тойон и старуха Кэрэмэс Хотун. В каждом члене устойчивой конструкции – ритмико-синтаксического параллелизма, состоящего из шести параллельных членов описывается по одному виду домашнего скота. При этом каждый член образуется посредством сочетания слов с начальной горизонтальной и вертикальной аллитерацией. Здесь следует отметить, что этот пример является идиостилистическим, т. к. в подобных случаях в других олонхо обычно используются двучленные устойчивые конструкции, обозначающие только разновидность рогатого и конного скота.

6. Лексическая база. Язык олонхо очень богат. В нём лексическую базу составляют традиционные, общепринятые для данного жанра фольклора обширные группы лексем, представляющие собой:

1) Архаизмы-реалии: *аар базах* ‘священный столб’, *аарыат* «разновидность певчей птицы», *адын-хаан* «почтенного вида, внушающий уважения человек», *алыас* «восклицание, которое шаман произносит при заклинании перед камланием с целью изгнать через трубу с помощью огня всякую нечисть», *аранас* ‘лабаз’, *атыйах* «берестяное лукошко», *дэлбиргэ* «верёвка из белого конского волоса», *дьабын* «место пребывания злых духов, загробный мир, куда отправляются души умерших шаманов», *көйүөр айах* «большой кожаный мех (сосуд) с широким основанием, узким горлом, служивший для закваски и хранения кумыса», *кудугу* ‘защелка, запорка, засов’, *күһэнэ* «кружки на спине шаманского кафтана, изображающие “солнце”, “месяц”, “прорубь” и пр.», *саар ыабас* «большой берестяной сосуд, вмещавший до 5 вёдер», *кустук онобос* «боевая стрела с наконечником», *харчы* «“квадратные плитки”, которые вырезаются из черевки лошади, самой жирной части, самое любимое и лакомое блюдо якутов», *холомо* «тип постоянного жилища – пирамидальный или реже конусовидный остов из более или менее тесно соприкасающихся между собой тонких бревен, покрытых дерном», *тобук чааскы* ‘костяные чашки’, *эрэдэһин* ‘крученный’, *чарт тымтык* ‘лучина, лучинка’ и мн. др.

2) Диалектизмы: *анах* (лит. *ынах* ‘корова’), *бырахсан* (лит. *барахсан* «модальная частица, выражающая любовь, ласку, уважение, иногда с оттенком жалости»), *байбааччы* (лит. *байбаччы* ‘представляться широким’), *дылбэк* (лит. *нылбэк* ‘колено, колени’), *көнүөр* (лит. *көбүөр* «большой кожаный мех»), *күөрэ-даккы* (лит. *күөрэ-ланкы* «хаотическое нагромождение чего-либо»), *уччаан* (лит. *кыччаан* ‘уменьшаясь’), *сүдү* (лит. *сүдү* ‘великий, громадный’), *чаппа* (лит. *хампа* ‘канфа’), *чэччийэр* (лит. *мэччийэр* ‘пасется’), *халдьяа* (лит. *халдьяайы* «южный склон косогра») и др.

3) Заимствования из русского языка: *аркыыма* ‘архив’, *арсыын* ‘аршин’, *болбуот* ‘подвода’, *буолак* ‘полог’, *буут* ‘пуд’, *боппууда* ‘полпуда’, *килиэбинэ* ‘хлев’, *наадал* ‘ладан’, *таратаайка* ‘таратайка’, *нэтээги* ‘летяга’, *хормуонньа* ‘гармонь’ и мн. др.

7. Композиционные повторы. Как отмечают И. В. Пухов и Г. У. Эргис, при создании стабильного текста олонхосут брал сюжеты из своего запаса «кусочков» (обурукуй) и из репертуара других известных олонхосутов и нанизывал их на какой-нибудь большой сюжет, который брал за основу. При этом отбираемые куски не должны были выпадать из традиции и общего строя олонхо. Наступал момент, когда мастер заканчивал отбор и текст окончательно закрепился. Его исполняли, уже не заменяя сколько-нибудь серьезно [22, с. 573]. На наш взгляд, здесь под термином *кусочки-обурукуй* исследователи имеют в виду устойчивые конструкции, выраженные эпическими формулами (типическими местами) и композиционными повторами.

Значительное место в публикуемом олонхо занимают композиционные повторы, служащие опорными пунктами, вокруг которых строится новый сюжет. Кроме того, композиционные

Композиционными повторами в публикуемом олонхо являются описания внешнего вида богатыря Тойон Дёллют и его сестры, богатырки Джырыбына Джырылыатта, где олонхосут использует однотипные эпические формулы, образованные сравнением по принципу ритмико-синтаксического параллелизма. Здесь следует отметить, что описание внешнего вида богатырки Джырыбына Джырылыатта передается наиболее детально и подробно, чем богатыря Тойон Дёллюта. Это связано с тем, что главной героиней олонхо выступает именно Джырыбына Джырылыатта.

К композиционному повтору также относится описание битв богатырей двух миров, в частности детализированное описание состояния неба, земли и срединного мира, которое используется при описании богатырской езды Джырыбына Джырылыатта в боевой поход и её сражение с богатырем абаасы Тимир Чохчордоон, при сватовстве к ней богатыря абаасы Хахсаат Буурай и в битве с ним. В приведенных композиционных повторах олонхосут каждый раз красочно изображает срединный мир, сравнивая её волнения с волнением воды в берестяном лукошке-*атыйах* и в берестяном сосуде-*тордуйа*. К композиционным повторам также можно включить и постоянный эпитет, описывающий богатырский двор, которым П. П. Ядрихинский пользуется несколько раз.

Омүс **унуохпугун** көтөбөр, Кости золотые схоронить,
 Алтан **унуохпугун** аранастыыр... [29, с. 70]. Останки медные в арангас сложить... [29, с. 71].

Здесь, в двучленном параллелизме, образованном дословным повторением ядерной лексики *уных* ‘кости’ и периферии, подобранной по принципу аллитерации, описывается часть обряда погребения – уход за усопшими родственниками. Метафоричность данного примера исходит от перенесения свойств оголенной кости, который по цвету напоминает золото и медь. При этом данный пример содержит крайнюю экспрессию, потому как авторами этих строк являются пожилая супружеская чета, которая не имела детей.

9. **Олицетворение** в олонхо используется очень часто и реализуется в основном на образах таких персонажей как: богатырский молочно-белый конь, белоголовые вороны, грозный утес бедствий и др. Более того, человеческими чертами наделяются также предметы быта, например:

Остуруйялаһа **турар** олоппостордоох,
Олонхолоһо **турар** остуоллардаах,
Ыллаһа **турар** ыскааптардаах,
Сэһэргэһэ **турар** сэбэргэнэлэрдээх,
Таабырыннаһа **турар** долбуурдардаах,
Үгэлэһэ **турар** үгэхтэрдээх,
Хохоонноһо **турар** хотоннордоох эбит [29, с. 64].

Стулья сказки рассказывают,
Столы олонхо исполняют,
Шкафы песни распевают,
Балки беседу ведут,
Полки загадки загадывают,
Чуланы басни читают,
Хлева стихи слагают, оказывается [29, с. 65].

Как видно из эпической формулы, она состоит из семи параллельных членов, соединенных ритмико-синтаксическим параллелизмом. Эти члены объединены посредством дословного повтора глагольной лексемы *турар* ‘стоит’, которая является организующим началом. А периферию составляют элементы, подобранные по принципу начальной внутристиховой аллитерации. Подобные конструкции широко применяются в тексте П. П. Ядрихинского.

10. **Повтор.** Приведем пример употребления лексического **повтора**:

Хара хоруонка хадбааһыннаах,	Бисером чёрным обшитую,
Үрүң хоруонка үүдэһиннээх,	Бисером белым пришитую,
Кыһыл хоруонка кыбытыылаах,	Со вставкой из бисера красного,
Күөх хоруонка көтүтүүлээх,	С узорами из бисера зелёного,
Араҕас хоруонка ардайдаах... [29, с. 80].	С рисунками из бисера синего... [29, с. 81].

Как видно из примера, в нём лексический повтор *хоруонка* 'бисер' содержится в составе ритмико-синтаксического параллелизма, где является его организующим ядром. Потому в каждом члене говорится об одном и том же предмете, меняется только свойство предмета – его окраска. В свою очередь элементы, указывающие на свойство описываемого предмета, подобраны по принципу начальной аллитерации. Эти примеры соразмерны с наблюдениями В. М. Жирмунского, где он писал, что: «Синтаксический параллелизм как принцип композиционной структуры допускает словесное повторение, как эквивалент рифмы слов, одинаковых по своей синтаксической функции и морфологической структуре. При этом, чем архаичнее поэтический стиль, тем чаще в нём такие повторения» [31, с. 45].

11. **Ритмико-синтаксический параллелизм** охватывает весь текст олонхо. Некоторые виды параллелизма были разобраны нами при описании других художественно-изобразительных единиц, поэтому здесь обратим внимание на отличительные, идиостилистические примеры использования ритмико-синтаксического параллелизма. Например:

Кылана түһэн баран,
Кыһыл ынырык былыт
Кыйданыар дылы
Кычыгыраччы тылынна,
Үгүрэлии түһэн баран,
Үрүн ньүөрсүн былыт
Үрэллиэр дылы
Мөхсөн кулуһуйда [29, с. 312].

Все силы свои собрав,
С воплем пронзительным,
Что облака красные расходились,
Тужиться начала,
Изо всех сил своих
С криком птицы-бекас,
Что облака белые разошлись,
Дергаться стала [29, с. 313].

Здесь, в двучленном параллелизме в обеих членах дословно повторяются: словосочетание *түһэн баран* (вспомогательное сказуемое, указывающее на завершенность действия), лексическая единица *былыт* 'облако' и послелог *дылы* 'словно, подобно', которые соответственно образуют матрицу двучленного параллелизма с тремя устойчивыми повторами, на которую подбираются контекстные синонимы *кылана* 'с пронзительным воплем' / *үгүрэлии* 'с криком птицы бекас', *кыһыл ынырык* 'устрашающе красное' / *үрүн ньүөрсүн* 'белоснежное', *кыйданыар* 'прогнались' / *үрэллиэр* 'разогнались'. Все элементы скрепляются синонимичными составными сказуемыми, оформленными в одинаковую форму: *кычыгыраччы тылынна* 'тужиться стала' / *мөхсөн кулуһуйда* 'дергаться стала'.

Тем самым, матричная основа параллелизма делает её особо устойчивым, не поддающимся асимметрии конструкцией, что свидетельствует о словесном мастерстве П. П. Ядрихинского.

Одним из интереснейших явлений рассматриваемого текста являются параллелизмы, образованные семантическим разделением парных слов. Например:

Күөт ыт күлүүтүгэр ытаары,
Эриэн ыт элэгэр киллэрээри... [29, с. 122].

Чтоб псы пестрые насмехались,
Кобеля пегие зубоскалили... [29, с. 123].

Здесь двучленный параллелизм образован семантическим разделением парного слова *күлүү-элэк* 'насмешка' и каждый из них выполняет роль ядерной лексемы члена. А остальные компоненты выражены контекстными синонимами, передающимися словосочетанием: *күөт ыт* 'пестрый пес' / *эриэн ыт* 'пегий пес', а также сказуемыми – контекстными синонимами: *ытаары* 'чтобы отправить' / *киллэрээри* 'чтобы сделать'.

Рассмотренные элементы парного слова в якутском языке функционируют как самостоятельные лексические единицы. Однако, в тексте олонхо можно обнаружить и такие примеры, в которых параллелизм образован семантическим разделением парного слова, где один из его элементов утратил собственное обозначение и в литературном языке самостоятельно не используется. Например:

Силээхтэ *киһи*
Силлээбит **силэ**
Сиргэ тийбэт

Плевков человека-щеголя
До земли не достаёт –
Такая буря

Силлиэтэ турда,
Хатан *киһи*
Хаахтаабыт **хааба**
Сиргэ түспэт
Хахсаата буолла [29, с. 232].

Сильная поднялась,
Сопля человека каленого
Земли не найдет –
Такая пурга ужасная
Завертела-закружила [29, с. 233].

В этом примере параллелизм образован семантическим разделением парного слова *сил-хаах* ‘плевок’, а матрица состоит из дословно повторяющихся лексических единиц: *киһи* ‘человек’ и *сир* ‘земля’. Данный двучленный параллелизм передается с помощью двух членов, оформленных в одинаковую структуру путем противопоставления, *силээхтэ киһи* ‘человек-щеголь’ / *хатан киһи* ‘человек каленый’, а также контекстными синонимами: *силлиэ* ‘буря’ / *хахсаат* ‘пурга’; *тийибэт* ‘не достает’ / *түспэт* ‘не доходит’. Потому устанавливается условная эквивалентность между параллельными членами. В данном случае аллитерация выражена в качестве основного организующего средства, которому подчинены все элементы конструкции.

12. **Сравнение.** Функция сравнений в олонхо не ограничивается простым изображением «познаваемого» посредством «познанного» и участием в раскрытии эпического образа. Сравнения, созданные якутскими сказителями, имеют предназначения передавать не столько смысловую информацию, сколько эмоциональные отношения сказителя к действиям, его мировоззрение и мироощущение, а также его интеллектуальные и творческие способности [32, с. 66-67].

Эттээх ат кутуругун
Эллии быһа баттаабыт **курдук**
Эргэнэ хара тыалара
Элээннии үүнэн кииргэлээбит [29, с. 44].

Словно сытых лошадей в теле
Хвосты подстриженные,
Тёмные леса обнажённые
Рядами ровными растут [29, с. 45].

Как видно из примера, в первой части передается познанное, о чем свидетельствует служебное слово-последок *курдук* ‘словно, будто’, а во второй части содержится познаваемое – тёмный лес, при этом организующим началом является аллитерация. В рассматриваемом тексте сравнения являются один из самых распространенных художественно-изобразительных средств.

13. **Эпические формулы.** П. П. Ядрихинский – Бэджээлэ, как и свои предшественники – мастера художественного слова, в тексте своего олонхо массивно использует устойчивые конструкции – эпические формулы, которые являются интертекстуальными, свойственными почти всем текстам олонхо и потому являются типическими (общими) местами.

Например, описание ходьбы по горе девушки-богатырки Джырыбына Джырылыатта после победы над врагами:

Тон сир
Тобугун харабар дылы
Тоһута буурдаталаан,
Ириэнэх сир
Иэччэбэр дылы
Ибили үктэтэлээн... [29, с. 246].

Землю мерзлую
До чашек коленных
Насквозь продавливая,
Землю сырую
До сустава бедренного
В месиво превращая... [29, с. 247].

В данном примере олонхосут описывает при помощи **детализации**, выраженной **антитезой**, характеристику персонажа девушки-богатырки, которая обладает сверхъестественной силой и потому продавливая землю до сустава бедренного. Для этого он использует прием противопоставления – употребляет антонимические лексемы типа: *тон сир* ‘мерзлая земля’ / *ириэнэх сир* ‘сырая земля’ в качестве ключевых словосочетаний при организации эпической формулы. Подобные примеры употребляются почти во всех олонхо, в особенности при описании сражения богатырей двух миров.

13. **Эпитет.** Поэтический язык текста олонхо насыщен постоянными эпитетами, например: *көхсүттэн көнтөстөөх* ‘с поводами за спиной’, *арбаһыттан тэһииннээх* ‘с вожжами за холкой’, *айыы аймаба* ‘родичи айыы’, *алтан сэргэ* ‘медная коновязь’, *уһаты хаампыт* ‘шагающий вдоль’, *кигкиниир кизг халлаан* ‘гулко звенящее небо’, *курбуу дьабыл орто* дойду

‘срединный мир с поперечными пятнами’, *бүтэй чончу туйахтаах* ‘круглокопытные’, *түүн сырыылаах, түүлээх уллунахтаах түрүлүүр түөкүннэрэ* ‘ночью оживающие воришки с пятками волосатыми злодеи-мошенники’, *оройдорунаа көрбүт* ‘через темя глядящие’ и мн. др.

Кроме того, в тексте можно обнаружить особо устойчивый эпитет, перетекающий в композиционный повтор:

Тоҕус тулук баһын
Туура баттаан бырахпыт иһин
Тохтоппот дьулусханнаах
Дьоллоох дьолуо манган тусаһаларын...
[29, с. 24].

Счастливого надворья огромного,
Что кинув девяти пуночек
Головы отрубленные,
Не остановить стремления...
[29, с. 24].

Данный пример в тексте повторяется несколько раз при каждом упоминании богатырского двора и потому является устойчивым оборотом речи олонхосута. Видимо, обозначает какое-либо забытое обрядовое действие, направленное на прекращение чего-либо через жертвоприношения птичек-пуночек.

Заключение

Таким образом, рассмотрев основные художественно-изобразительные средства текста олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского, образующие его стилистические особенности, отмечаем следующее:

Во-первых, выявлено, что основным принципом организации эпического текста является принцип ритмико-синтаксического параллелизма, которому подчиняется большинство рассмотренных речевых единиц. Особо устойчивыми являются конструкции, образованные на основе матрицы параллелизма, которые будучи композиционными повторами при каждом воспроизведении в течении всего текста не поддаются каким-либо изменениям. Это напрямую связано с устностью и механизмами запоминания.

Во-вторых, в отличие от литературного языка, где средства художественной речи конкретно классифицируются и используются по отдельности, в эпическом языке художественно-изобразительные средства употребляются комбинированно. Т. е. на первый план выходит синкретичность, где разнородные художественно-изобразительные средства сливаются в неразделимое единое целое, и они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Потому разделение и классификация стилистических средств языка олонхо представляется весьма сложной исследовательской задачей.

В-третьих, в языке рассматриваемого олонхо коннотация лексических единиц, выступающих организующими элементами в устойчивых конструкциях (ритмико-синтаксическом параллелизме, эпических формулах, композиционных повторах), отличается от их употребления в литературном языке. Иными словами, лексическая основа художественных средств приобретает особые надкоммуникативные функции, выходящие за рамки литературного языка.

Вышеизложенное сводится к тому, что, с одной стороны, рассмотренные стилистические средства эпического языка являются обязательными элементами и образуют сложную, высокоорганизованную, слаженную систему приемов, которые являются маркерами, способствующими олонхосуту удерживать в памяти большой объем эпического текста, с другой стороны, именно на основе этих художественно-изобразительных средств осуществлялся культурный обмен – обмен так называемой эстетической информацией между сказителем и его аудиторией слушателей. Конечно же, при создании и воспроизведении текста олонхо сказитель использует эти средства неосознанно, лишь потому, что так пели его предшественники, и этого от него требуют его слушатели.

Все это свидетельствует о том, что П. П. Ядрихинский был выдающимся сказителем своего времени, мастером художественного слова, в совершенстве овладевшим искусством якутского сказительства. Будучи сказителем-импровизатором он в своем эпическом творчестве успешно варьирует интертекстуальные устойчивые конструкции и создает новые, идиостилистические конструкции, чем обогащает стилистику своего эпического произведения.

Литература

1. Ядрихинский П. П. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр: олонхо / Запись, послесловие и коммент. П. Н. Дмитриева. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 200 с. (на якутском яз.)
2. Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации (Киев, сентябрь 1983 г.). – М.: Наука, 1983. – С. 143-170.
3. Осовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. – М.: Наука, 1979. – С. 199-252.
4. Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. – М.: Наука, 1966. – С. 220-259.
5. Аникин В. П. Теория фольклора. – М.: КДУ, 2004. – 432 с.
6. Руделев В. Г. Принципы сегментации поэтической речи // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. – С. 71-78.
7. Путилов Б. Н. Эпический мир и эпический язык // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации (Киев, сентябрь 1983 г.). – М.: Наука, 1983. – С. 170-184.
8. Лорд А. Б. Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 368 с.
9. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда; ред. Жирмунский В. М., Кононов А. Н. Репринтное воспроизведение издания 1962 г. – СПб.: Наука, 2007. – 299 с.
10. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке: сб. ст. / Под ред. акад. В. В. Виноградова. – М.: Просвещение, 1969. – С. 126-139.
11. Гринцер П. А. Эпические формулы в «Махабхарате» и «Рамаяне» // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры издательства «Наука», 1975. – С. 156-181.
12. Дмитриев П. Н. Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1978. – 230 с.
13. Артеменко Е. Б. Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования // Язык русского фольклора: Межвузовский сборник. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1985. – С. 4-12.
14. Илларионов В. В. Искусство якутских олонхосутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 128 с.
15. Габышева Л. Л. Фольклорный текст. Семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.
16. Ефремов Н. Н. Эпические формулы в олонхо северных якутов: структурно-семантический анализ // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 4 (12). – С. 58-65. doi: 10.25587/SVFU.2018.12.22342.
17. Кидайш-Покровская Н. В., Мирбадалева А. И. Традиционные элементы стиля в эпическом тексте // Текстологическое изучение эпоса / Отв. ред. В. М. Гацак, А. А. Петросян. – М.: Наука, 1971. – С. 64-96.
18. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири: эксперим. изд. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
19. Илларионова Т. В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ разновременных записей. – Новосибирск: Наука, 2008. – 96 с.
20. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Вопросы языкознания. – 1968, № 1. – С. 23-42.
21. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск: Сайдам, 2013. – 48 с.
22. Пухов И. В., Эргис Г. У. Якутское олонхо // Строптивый Кулун Куллустуур. Якутский героический эпос. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1985. – С. 544-578.
23. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.
24. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 227 с.
25. Бурцев Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр. – Новосибирск: Наука, 1998. – 85 с.
26. Дьячковская М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения, 1998. – 153 с.

27. Показилова Н. В. Якутская аллитерационная поэзия (генезис литературного текста). – М.: Айыына, 1999. – 163 с.
28. Роббек Л. В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 140 с.
29. Ядрихинский П. П. – Бэджээлэ. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутский героический эпос / Запись П. Н. Дмитриева. – Якутск: Сайдам, 2011. – 448 с.
30. Кудияров А. В. Проблемы изучения художественного стиля эпоса Сибирских народов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск: Горноалт. кн. изд-во, 1986. – С. 114-150.
31. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. – Л.: Гослитиздат, 1962. – 435 с.
32. Ефимова Л. С., Львова С. Д. Поэтика якутского олонхо: образы сравнения (на материале текста, записанного А. Ф. Миддендорфом) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2017. № 2 (6). – С. 65-74. doi: 10.25587/SVFU.2017.6.10664.
33. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

References

1. Jadrinhinskij P. P. *Djyrybyna Djyrylyatta kyys buhatyыр: olonho* [The Girl-Warrior Djyrybyna Djyrylyatta]. Zapis', posleslovie i komment. P. N. Dmitrieva. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo, 1981, 200 p. (In Yakut lang.)
2. Chistov K. V. *Variativnost' i poetika fol'klornogo teksta* [The variations and poetics of the folkloric text]. In: *Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slavyanskikh narodov: Doklady sovetskoj delegacii (Kiev, sentjabr' 1983 g.)* [History, culture, ethnography and folklore of Slavic peoples: Reports of Soviet delegation (Kiev, September, 1983)]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 143-170.
3. Ossoveckij I. A. *Nekotorye nabljudenija nad jazykom stihotvornogo fol'klora* [Some observations about the language of poetic folklore]. In: *Očerki po stilistike hudozhestvennoj rechi* [Essays on stylistics and artistic language]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 199-252.
4. Putilov B. N. *Iskusstvo bylinogo pevca (iz tekstologičeskikh nabljudenij nad bylinami)* [The art of the bylin singer (from textological observations about bylini)]. In: *Principy tekstologičeskogo izučenija fol'klora* [Principles of textological study of folklore]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 220-259.
5. Anikin V. P. *Teorija fol'klora* [Theory of folklore]. Moscow, KDU, 2004, 432 p.
6. Rudelev V. G. *Principy segmentacii poetičeskogo reči* [Principles of the segmentation of poetic speech]. In: *Pojetika literatury i fol'klora* [Poetics of literature and folklore]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1979, pp. 71-78.
7. Putilov B. N. *Jepičeskij mir i jepičeskij jazyk* [The Epic World and Epic Language]. In: *Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slavyanskikh narodov: Doklady sovetskoj delegacii (Kiev, sentjabr' 1983 g.)* [History, culture, ethnography and folklore of Slavic peoples: Reports of Soviet delegation (Kiev, September, 1983)]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 170-184.
8. Lord A. B. *Skazitel'* [Storyteller]. Per. s angl. i komment. Ju. A. Klejnere i G. A. Levintona. Moscow, Izdatel'skaja firma "Vostochnaja literature" RAN, 1994, 368 p.
9. Zhirmunskij V. M., Kononov A. N. *Kniga moego deda Korkuta. Oguzkij geroičeskij jepos* [The Oghuz heroic epic]. Per. akad. V. V. Bartol'da. Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1962 g. Saint Petersburg, Nauka, 2007, 299 p.
10. Ivanchikova E. A. *Leksicheskij povtor kak jekspressivnyj priem sintaksičeskogo rasprostranenija* [Lexical repetition as an expressive method of syntactic distribution]. In: *Mysli o sovremennom russkom jazyke: sb. st. pod red. akad. V. V. Vinogradova* [Thoughts about modern Russian language. Collection of articles ed. by V. V. Vinogradov]. Moscow, Prosveshhenie, 1969, pp. 126-139.
11. Grincer P. A. *Jepičeskie formuly v "Mahabharate" i "Ramajane"* [Epic formulas in "Mahabharata" and "Ramajana"]. In: *Tipologičeskie issledovanija po fol'kloru: sb. st. pamjati V. Ja. Proppa* [Typological studies on folklore. Collection of articles in memory of V. Ya. Propp]. Moscow, Glavnaja redakcija vostočnoj literatury izdatel'stva "Nauka", 1975, pp. 156-181.
12. Dmitriev P. N. *Jepičeskie formuly v olonho* [Epic formulas in Olonkho]. In: *Jepičeskoe tvorčestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Epic creature of the peoples of Siberia and the Far East]. Yakutsk, Izd-vo JAF SO AN SSSR, 1978, pp. 118-120.

13. Artemenko E. B. *Fol'klornaja formul'nost' i variativnost' v aspekte tekstoobrazovanija* [Folkloric formulas and variation in text creation]. In: *Jazyk russkogo fol'klora: mezhvuzovskij sbornik* [Language of Russian folklore: interuniversity collection]. Petrozavodsk, Petrozavod. gos. un-t, 1985, pp. 4-12.
14. Illarionov V. V. *Iskusstvo jakutskih olonhosutov* [The art of Yakut olonkhosuts]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1982, 128 p.
15. Gabysheva L. L. *Fol'klornyj tekst. Semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati* [The folkloric text: Semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 143 p.
16. Efremov N. N. *Jepicheskie formuly v olonho severnyh jakutov: strukturno-semanticheskij analiz* [Epic formulas in the olonkho of northern Yakuts: a structural-semantic analysis]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Jeposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2018. No. 4 (12), pp. 58-65. doi: 10.25587/SVFU.2018.12.22342.
17. Kidajsh-Pokrovskaja N. V., Mirbadaleva A. I. *Tradicionnye jelementy stilja v jepicheskom teskte* [Traditional elements of style in the epic text]. In: *Tekstologicheskoe izuchenie jeposa* [Textological study of epic]. Otv. red. V. M. Gacak, A. A. Petrosjan. Moscow, Nauka, 1971, pp. 64-96.
18. Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo jeposa narodov Sibiri* [Index of typical locations of heroic epics of the peoples of Siberia]. Jekspirim. izd. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 1383 p.
19. Illarionova T. V. *Tekstologija olonho "Moguchij Jer Sogotoh": sravnitel'nyj analiz raznovremennyh zapisej* [The textology of the olonkho "Mighty Er Sogotokh": a comparative analysis of recordings at different times]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 96 p.
20. Zhirmunskij V. M. *O nekotoryh problemah teorii tjurkskogo narodnogo stiha* [On several problems of the theory of poetry of Turkic peoples]. In: *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics]. 1968, No. 1, pp. 23-42.
21. Puhov I. V. *Olonho – drevnij jepos jakutov* [The ancient epic of the Yakuts]. Yakutsk, Sajdam, 2013, 48 p.
22. Puhov I. V., Jergis G. U. *Jakutskoe olonho* [Yakut Olonkho]. In: *Stroptivyy Kulun Kullustuur. Jakutskij geroicheskij jepos* [Obstinate Kulun Kullustuur. Yakut heroic epic]. Moscow, Gl. red. vost. lit-ry, 1985, pp. 544-578.
23. Jergis G. U. *Oчерки по якутскому fol'klору* [Essays about Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik, 2008, 400 p.
24. Slepcev P. A. *Jakutskij literaturnyj jazyk. Formirovanie i razvitie obshhenacional'nyh norm* [Yakut literary language: Formation and development of national norms]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 227 p.
25. Burcev D. T. *Jakutskij jepos olonho kak zhanr* [The Yakut epic as a genre]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 85 p.
26. D'jachkovskaja M. N. *Alliteracija i rifma v jakutskoj poezii. Problemy jevoljucii i klassifikacii* [Alliteration and rhythm in Yakut poetry: Problems of evolution and classification]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otdelenija, 1998, 153 p.
27. Pokatilova N. V. *Jakutskaja alliteracionnaja poezija (genezis literaturnogo teksta)* [Yakut alliterative poetry (the genesis of the literary text)]. Moscow, Ajyyna, 1999, 163 p.
28. Robbek L. V. *Leksiko-semanticheskie osobennosti jazyka jakutskogo geroicheskogo jeposa olonho* [Lexico-semantic specifics of the language of the Yakut heroic epic olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 140 p.
29. Jadrinskij P. P. – Bedjeev. *Devushka-bogatyry Dzhyrybyna Dzhyrylyatta. Jakutskij geroicheskij jepos* [Girl-Warrior Dzhyrybyna Dzhyrylyatta. Yakut heroic epic]. Zapis' P. N. Dmitrieva. Yakutsk, Sajdam, 2011, 448 p.
30. Kudijarov A. V. *Problemy izuchenija hudozhestvennogo stilja jeposa Sibirskih narodov* [Problems of the study of the artistic style of the epics of Siberian peoples]. In: *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East]. Gorno-Altajsk, Gornoalt. kn. izd-vo, 1986, pp. 114-150.
31. Zhirmunskij V. M. *Narodnyj geroicheskij jepos* [The national heroic epic]. Leningrad, Goslitizdat, 1962, 435 p.
32. Efimova L. S., Lvova S. D. *Pojetika jakutskogo olonho: obrazy sravnenija (na materiale teksta, zapisannogo A. F. Middendorfa)* [The poetics of Yakut olonkho: images and comparisons (based on materials written by A. F. Middendorf)]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Jeposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2017, No. 2 (6), pp. 65-74. doi: 10.25587/SVFU.2017.6.10664.
33. *Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'* [The Literary Encyclopedic Dictionary]. Pod obshej red. V. M. Kozhevnikova i P. A. Nikolaeva. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1987, 752 p.